

ФОРМИРОВАНИЕ ПОМЕСТНОЙ СИСТЕМЫ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В КОНЦЕ XV в.

Одним из наиболее значимых итогов правления Ивана III стало появление поместной системы, получившей в конце XV — начале XVI в. общегосударственное значение. В «чистом» виде поместная система была представлена на недавно завоеванных территориях, где производились земельные конфискации и выселения местных вотчинников. В первую очередь, это территория Великого Новгорода, включая его пригороды и территории, позднее переданные в ведение новгородского приказа: Великие Луки, Пустая Ржева, Торопец и Псков. Важно отметить организованный характер «поместной колонизации». Поместья широко раздавались на стратегически важных направлениях, где необходимо было постоянное присутствие воинских контингентов.

До московского завоевания преобладающая часть «черных» земель, подведомственных Великому Новгороду, была «обоярена». В руки бояр перешли обширные массивы земель в Заонежье и в Заволочье. После выселения местных вотчинников эти земли вновь были переданы в ведение крестьянских общин¹. После выселения из Вятки представителей «лучших людей» (воеводы и «ватаманы») собственная служилая корпорация так и не была создана в этом уезде.

Перманентно возникавший кадровый дефицит приводил к нецелесообразности сосредоточения немногочисленных на тот момент помещиков вдали от театров военных действий. Постоянного присутствия помещиков в Вяземском уезде требовало московское правительство в наказе к наместнику И. В. Шадре-Вельяминову: «чтобы еси отпустил ко мне (Ивану III. — М. Б.) Василья Злобина, а иные бы поместчики из Вязмы бес слова не ездили никуда, жили бы по своим поместьем в Вязме»². При необходимости приходилось идти на экстраординарные меры. После похода шведских войск в 1496 г., сожжения Ивангорода и разорения пограничных земель из «людей» новгородских бояр была создана группа «ивангородцев». Несколько сотен из них получили крошечные поместья на «шведском» направлении — в Водской и частично Шелонской пятинах [Бернадский, с. 327—331]. Логичным выглядит выработавшееся требование обязательной службы по месту нахождения поместья и формирование на этой основе поместных корпораций.

Определяющие принципы поместной системы были выработаны при массовых, организованных раздачах, когда одновременно приходилось наделять поместьями большие группы людей. Эта задача вызывала необходимость развития центрального делопроизводственного аппарата и выработки объективных критериев деления на группы — «статьи», закладывая тем самым контуры будущего развития служебных отношений как применительно к отдельным корпорациям, так и в рамках всего Русского государства в целом. Система поместных окладов стала со временем краеугольным камнем в организации «служилого города», унифицирующим признаком, объединяющим служилых людей различного происхождения.

Характерные для поместной системы черты не могли появиться одновременно. Их развитие и совершенствование проходило на разных территориях, имеющих свои особенности, в условиях влияния ряда внутри- и внешнеполитических факторов. Наиболее полно благодаря сохранившемуся комплексу писцовых книг (особенно по Деревской и Водской пятинам) процесс раздач получил отражение в источниках, относящихся к Новгородской земле.

Формирование поместного землевладения в Новгородской земле было растянуто во времени. На каждом этапе великокняжеской власти приходилось сталкиваться с различными

¹ АИСЭР. Л., 1971. Т. I. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. С. 272, 286.

² Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. XXXV. С. 428.

проблемами, решая поставленные задачи, исходя из имеющихся в ее распоряжении инструментов. Это обстоятельство обуславливает необходимость выявления закономерностей, характерных для каждого этапа.

Поместные раздачи конца XV в. получили подробное, хотя и одностороннее, освещение в историографии. Большинство историков ограничивалось признанием факта повсеместного «слома» боярского землевладения и формирования на его основе прослойки помещиков, выходцев из Северо-Восточной Руси. Исключением является работа Г. В. Абрамовича [Абрамович, 1975], ставшая основой для построений последующих поколений историков, в которой была проведена систематизация этапов поместных раздач, проанализированы состав и размеры владений помещиков.

Несмотря на стройность и внешнюю привлекательность, эта концепция является уязвимой для критики как в части распределения новгородских помещиков по социальным группам, так и в предложенной периодизации процесса поместных раздач. Деление на социальные группы, предпринятое Г. В. Абрамовичем, условно и страдает заведомыми ошибками и искажениями³. Вопросы возникают к приводимому списку аристократических фамилий, куда затесались Порховские, Рудный-Картмазов, Протасьев и целый ряд княжеских семей невысокого ранга (князя Мещерские, Елецкие, Гагарины). Само выделение «аристократического» этапа поместных раздач (1484–1489 г.), когда поместья (и вотчины) были пожалованы «высшей чиновной знати», сподвижникам Ивана III, вызывает серьезные нарекания [Абрамович, 1975, с. 90–93]⁴.

Распределение встречающихся в писцовых книгах конца XV — первых годов XVI в. поместий по хронологическим отрезкам сталкивается с объяснимыми трудностями. За рамками редких упоминаний помещиков в актовых⁵ и делопроизводственных документах существует несколько критериев, позволяющих определить время создания того или иного поместья. Несколько точных дат встречаются в приписках, сделанных к текстам писцовых книг в 1499–1501 г.⁶

Широко представлены в писцовых книгах ссылки на «старое письмо». Вопрос о времени его составления является далеко не однозначным и вызывает давние споры в историографии. Условность термина «старое» позволяла вкладывать в него различное содержание: использовались данные самой переписи 80-х годов XV в., осуществляемые комиссией из новгородцев, данные нескольких описаний «московских» писцов и, вероятно, какие-то кадастровые документы времен новгородской независимости. По мере изменения состава новгородских землевладельцев «старое письмо» обрастало приписками и вряд ли было передано писцам конца 90-х годов в первоначальном виде. Основной его массив, видимо, был закончен в конце 80-х годов⁷.

В ряде случаев видно влияние «старого письма» на поместные раздачи. При анализе комплекса писцовых книг обращает внимание соотношение поместий с искусственно созданным

³ Среди представителей дьяческих фамилий, получивших поместья в начале 80-х годов XV в., названы Борисовы и Бунковы. В указанное время обе эти фамилии не были связаны с дьячеством. Неудачным является отнесение к «семьям дипломатов» Трусовых-Воробьиных. Возражения вызывают сделанные историко-генеалогические обобщения (например, о происхождении Болтиных и Косицких).

⁴ Тезис о роли «аристократического» этапа был использован и значительно усилен Р. Г. Скрынниковым, рассматривавшим Боярскую Думу в качестве инициатора поместных раздач [Скрынников, с. 72–73].

⁵ Значительный массив информации содержится в каменных и закладных грамотах, которые позволяют проследить процесс перехода на новгородскую службу. Большая часть «холопных» грамот Новокшеновых вплоть до 1495 г. заверялась наместниками трети московской. Уже в 1500 и 1501 г. И. Ф. Новокшенов, однако, приобретал себе холопов в Новгородской земле (АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 417. С. 425, № 419. С. 426, № 421–422. С. 427–428, № 425. С. 429, № 430. С. 431, № 434. С. 433, № 445. С. 439). Грамоты, относящиеся к другим уездам страны, дают косвенное представление о времени, когда фигурировавшие в них лица еще не были связаны с Новгородской землей.

⁶ Несколько дат встречается при описании самих поместий. Например, В. Чеков «взял впервые лета 7004-го с 20 обеж за повоз» (Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией (далее — НПК). СПб., 1859. Т. I. Ст. 55).

⁷ См.: [Неволин, с. 11; Андрияшев, с. VII–XI; Янин, 1981, с. 170; Баранов, 2000, с. 85–92]; АИСЭР. Т. I. С. 11–14.

пятинным делением. Владения того или иного помещика замыкались границами определенной пятины, хотя зачастую относились к географически удаленным друг от друга погостам, что, вероятно, было обусловлено ролью пятин в организации службы. Грамота Трусовым-Воробьиным 1482 г. показывает, что такая практика была распространена далеко не всегда. Их общее поместье располагалось в Водской и Шелонской пятинах, на территории Новгородского уезда⁸. Приведенный пример был не единичен. «Новое письмо» конца 90-х годов XV в. разорвало часть погостов этого уезда вместе с живущими там помещиками⁹. Их владения оказались рассредоточены в Водской и Шелонской пятинах. Среди прежних владельцев этих поместий в обеих пятинах фигурировали одни и те же лица¹⁰.

Та же ситуация была характерна для поместья Кобылиных-Мокшеевых и Окулины Семичевой с сыновьями. В платежной книге Шелонской пятины было отмечено неразделенное поместье К. и И. И. Кобылиных. Они же упоминаются в писцовой книге Деревской пятины в качестве сыновей помещицы Анны, «Ивановской жены Кобылина»¹¹. Одним из прежних владельцев их земель выступал в обоих случаях боярин В. Есипов. Видна также территориальная близость этих участков: в Деревской пятине поместье Кобылиных относилось к Рамышевскому погосту Курского уезда, а в Шелонской им принадлежали земли в Рамышевском погосте. Поместье Окулины Семичевой с сыновьями было также расположено на территории Деревской и Шелонской пятин (Курский и Коломенский погосты соответственно).

Общим для погостов, где располагались земли Кобылиных-Мокшеевых и Окулины Семичевой, была их подведомственность наместникам Курска¹². То есть поместья в этих случаях раздавались без учета пятинного деления, что, вероятно, было связано с использованием архаичных списков, составленных по уездному («присудному») принципу.

В исторической науке предпринимались попытки определить время возникновения поместий, исходя из определения даты конфискации земель у его прежних владельцев. Признавая перспективность такого метода, стоит оговориться, что даты «выводов» известны применительно к узкому кругу лиц¹³. Массовые выселения начались в Новгородской земле после 1484 г. и шли на протяжении второй половины 80-х — 90-х годов XV в. Скудость летописных свидетельств не позволяет выявить имена выселяемых в это время лиц. Более определенно можно говорить о «новосведенных боярах» и «сведенных своеземцах», которые, видимо, были выселены в 90-е годы, после окончания «старого письма». Только после 1493 г. репрессии коснулись Г. М. Тучина (не числится среди «новосведенных»), известного среди лиц, подписывавших договор с Ливонским Орденом¹⁴. Значительная часть владений «новосведенных бояр» и Г. М. Тучина в конце 90-х годов находилась среди оброчных земель и еще не пошла в поместную раздачу.

---

⁸ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII. М., 2008. Т. IV. № 91. С. 69.

⁹ Ермола Трусов-Воробьин, И. Фома Г. Протасьев, И. В. Вельяминов, А. Шафров, Л., Ф. Вашутиновы Козляниновы.

¹⁰ Поместье Вашутиновых-Козляниновых было образовано из земель А. Посахнова; И. Г. Фомы Протасьева — Е. Максимова; А. Шафрова — Р. Норовова и Р. Окинфова; И. В. Вельяминова — В. Казимира и Б. Норовова; Ермола Трусова Воробьина — Б. Есипова и Назара подвойского.

¹¹ Правильность подобного отождествления доказывается привлечением платежной книги Деревской пятины 1542/1543 г.

¹² НПК. СПб., 1862. Т. II. Ст. 608–609; СПб., 1886. Т. V. Ст. 149; СПб., 1886. Т. IV. Ст. 140; Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПКНЗ). М., 2004. Т. IV. С. 479.

¹³ В. Онаньин, Б. Есипов, И. Лошинский, И. и А. Офонасовы, Ф. Исаков, Марфа Исакова и ее внук Василий, М. Панфилов, Г. Киприанов Арзубьев, И. К. Савелков, А. Брюхатый (Толстой) и его сын Роман, Ю. Репехов, В. Казимир, Я. Короб, Л. Федоров, М. Берденев, боярыня Настасья Григорьева. До «первого письма» были переданы архиепископу земли И. П. Чашникова. В 1482 г. в раздачу пошли владения И. Кузмина Овинова зятя.

¹⁴ Я. Л. Янин считал, что Г. М. Тучин был сведен со своих земель, а затем получил поместья из конфискованных земель. Стоит обратить внимание на незначительность этого владения, не соответствующую его статусу [Янин, 1991, с. 123].

Процесс распределения конфискованных земель не был однородным и растянулся на десятки лет. Далеко не все конфискованные вотчины сразу перешли в руки помещиков. Многие из них поступили в ведение новгородского двора, другие долгое время находились среди оброчных земель. Стоит учитывать и практику поместных «придач». Пример братьев Трусовых-Воробьиных показывает, что к концу XV в. состав их владений значительно расширился¹⁵. Отделить «придачу» от основных владений удастся при анализе сравнительно небольшого круга поместий. Из земель одних и тех же «бояр» целиком был сформирован объем некоторых поместий¹⁶. Всего же удастся насчитать порядка двух десятков поместий, образованных из земель «новосведенных».

Среди них было представлено большое число лиц, соотносимых с определенными группами, переселение которых в Новгородскую землю, очевидно, происходило в одно и то же время по спискам. В первую очередь это уже упомянутые «ивангородцы», появившиеся как отдельная группа после 1496 г. Включенные в ее состав лица, вероятно, до момента своего испомещения служили по особым спискам без земельных наделов, что объясняет упоминание об их прежней владельческой принадлежности¹⁷.

Другой такой группой были «луховичи», появление которых в Новгородской земле было связано с пожалованием Луха «в отчину» служилому князю Ф. И. Бельскому (окончательно, вероятно, в 1497 г.). Обращает внимание компактность их размещения и наличие среди них представителей разных социальных слоев. Всего в Бежецкую пятину было переселено не менее 30 человек, вероятно, все вотчинники этого небольшого приволжского городка [Бенцианов, 2000, с. 246–247]¹⁸.

Часто земли «новосведенных» переходили в руки «людей» московских бояр, в первую очередь «Тучковских» и «Шереметевских». Теме «послужильцев» в историографии было уделено значительное внимание, в основном в части освещения событий пресловутой опалы 1483 г. Обойденным в связи с этим оказался вопрос о времени их появления в Новгородской земле. Следует разделять роспуск дворов названных в писцовых книгах лиц (вне зависимости от вызвавших его причин и политической подоплеки) и проведение поместных раздач для самих «послужильцев». Эти события могли значительно отстоять друг от друга. Кабальные грамоты И. В. Пестрого-Хомутова и А. И. Русина-Тыркова свидетельствуют, что в 1485 г. эти будущие новгородские помещики («люди» Тучко-Морозовых) были связаны с Костромским уездом¹⁹.

Анализ структуры писцовой книги Водской пятины свидетельствует, что поместья «Тучковских» не могли быть сформированы ранее начала 90-х годов XV в. Описание поместья В. Д. Шадрина было сделано после «служилых людей» (подключника и подьячего). Поместье В. И. Ляпуна Рахманова в полном объеме и большая часть поместья М. Н. Кашкина были сформированы из владений «новосведенных»²⁰. В соседней Деревской пятине поместье К. Власова, «холопа» С. Б. Брюхо-Морозова — брата И. и В. Б. Тучко-Морозовых, также было составлено из земель «новосведенного» М. Ф. Карповского²¹.

¹⁵ Ерема Трусов Воробьин помимо земель Б. Есипова приобрел «боярщины» Ульяны Зайцевой, Я. Ю. Скачельского и А. К. Кречатникова. Его брат Митя, в свою очередь, к вотчинам И. Кузьмина Овинова зятя добавил земли, конфискованные у Э. Мастерова (НПК. СПб., 1868. Т. III. Ст. 295; Т. IV. Ст. 18, 20).

¹⁶ М. Секирин был единственным прежним владельцем в поместьях Д. Волкова Шматова и его шурина Я. И. Копылова, а также Н. Вельяминова. Большую часть поместья М. Я. Русалки Морозова составили земли «новосведенных» В. Есипова и М. Ф. Карповского (121,5 обжи из общего объема поместья в 124,5 обжи).

¹⁷ В некоторых случаях со времени «поимания» их господ прошло уже почти два десятилетия — «люди» Б. Есипова, И. Лошинского, Марфы Исаковой.

¹⁸ Из земель «новосведенных» были сформированы поместья «луховичей» Г. Тимошкина и И. Поповича.

¹⁹ АСЭИ. Т. III. № 413. С. 423 (с датировкой 1480–1495 г.), № 416. С. 424.

²⁰ НПК. Т. III. Ст. 436, 937; Писцовые книги Водской пятины 1500–1501 гг. // Временник общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 322. Братья И. Пестрый и И. Большой В. Хомутовы владели в конце 90-х годов XV в. совместным неразделенным поместьем.

²¹ НПК. Т. I. Ст. 124.

Те же выводы применимы для группы «Шереметевских». Отец и младший брат А. К. Шеремета-Беззубцева служили князю Андрею Углицкому. Вероятно, и сам он находился на службе при углицком дворе, ликвидированном в 1491 г. [Зимин, с. 188–189]. Это предположение подтверждается наблюдениями над владениями его «людей»: Л., Г., И. Федосовы и их зять И. Кононов получили земли «новосведенного» Л. И. Федотына²². Очевидно, испомещение нескольких групп слуг московских бояр (за исключением «людей» князей И. Ю. Патрикеева и С. И. Ряполовского) проводилось на протяжении 90-х годов XV в.

Более существенные результаты дает сопоставление времени возможных пожалований с проведенной в 1499 г. конфискацией церковных земель. Эта тема (на примере Деревской пятины) была рассмотрена А. А. Фроловым, который обосновал тезис о 2 волнах конфискаций: 1478 и 1499 г. [Фролов, с. 54–62]. Описание поместий, созданных из владычных и монастырских земель, приписывалось в конце (реже в начале) описания каждого погоста. Эта закономерность прослеживается на примере писцовой книги Водской пятины. Последние места в описаниях поместных земель в значительном числе погостов заняли конфискованные церковные владения, переданные новым владельцам²³. Все поместья, сформированные из церковных земель (за исключением «придач»), появились уже после 1499 г. Кабальные грамоты И. Ф. Новокшенова позволяют датировать его появление в Новгородской земле концом 90-х годов XV в. С. И. Циплятев в 1493 г. был мужем на суде в Белозерском уезде. Его брат Елизар, известный впоследствии дьяк, упоминается в приписках к тексту писцовой книги Д. Китаева. Оба они были пожалованы поместьями на рубеже веков. В 1500 г. поместья в Водской пятине достались также В. и А. Г. Калитиным, родной брат которых Семен числился владельцем бывших владычных земель²⁴.

В Деревской пятине владения бывшего архиепископского боярина М. Кутузова были описаны после «служилых людей» — мелких дворцовых слуг и «приданой» волости И. А. Кольчева, в отрыве от владений других детей боярских. Поместье князя И. Кривоборского, еще одного владычного боярина, было описано перед оброчными землями²⁵.

Менее определенно можно говорить о появлении в волости Лопатицы, бывшего владения Аркажа монастыря, сыновей князя А. А. Шемяки Шаховского. Эта волость сохраняла свою прежнюю владельческую принадлежность еще в 1483 г., то есть не была конфискована сразу после завоевания Новгорода [Кучкин, с. 173–174]. Князь А. А. Шемяка служил в уделе князя Андрея Углицкого. По наблюдениям А. А. Фролова, Аркажский монастырь получил землю в Обонежской пятине до конфискаций 1499 г. в виде компенсации за волость Лопатицы. Пожалование князьям Шаховским этого поместья должно быть приурочено к промежутку между 1491 и 1499 г., о чем свидетельствует и неразделенность их поместья во время описания [Фролов, с. 59–60]²⁶.

Проведенная реконструкция позволяет проследить ход процесса раздач 90-х годов XV в., вычленив из общего массива поместий примеры относительно недавних испомещений. В большинстве случаев для поздних раздач было характерно наличие значительного числа прежних собственников, в том числе мелких. Поместья раздавались безлико, как имевшиеся в распоряжении у великокняжеской власти свободные участки земли.

Присутствие в писцовых книгах указаний на территориальную принадлежность («Якуш Черной Пущын звенигородец») также, скорее всего, являются следами испомещений «по спискам».

Менее определенно можно говорить о ранних поместных раздачах. В это время помещики часто получали земли, в том числе находящиеся в разных погостах, принадлежавшие прежде одному

---

²² НПК. Т. III. Ст. 537, 569.

²³ Егорьевский Лужский, Климентовский Тесовский, Сабельский, Успенский Хрепельский, Никольский Передольский, Никольский Будковский, Петровский на Волхове, Никольский Ижорский погосты.

²⁴ АСЭИ. Т. III. № 445. С. 431; М., 1958. Т. II. № 333. С. 317; НПК. Т. III. Ст. 451, 456, 459, 464.

²⁵ НПК. Т. I. Ст. 738; Т. II. Ст. 631.

²⁶ Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... М., 1787. Ч. I. С. 138.

собственнику. Анализ землевладения «сведенных» бояр первых волн репрессий позволяет выявить круг лиц, которые могли получить поместья уже в первой половине 80-х годов XV в. Для целого ряда помещиков единственным прежним владельцем выступал, например, Б. Есипов. Некоторым из них принадлежали смежные участки, которые прежде составляли единое поместье²⁷. Всего же удастся насчитать не более трех десятков возможных примеров ранних испомещений.

При отсутствии точных критериев в большинстве случаев приходится ограничиваться расплывчатыми временными рамками создания новгородских поместий — середина 80-х — 90-е годы XV в. Поэтому выделение Г. В. Абрамовичем «аристократического» этапа (1484–1489 г.) в поместных раздачах кажется слишком условным. Для значительного числа «сподвижников Ивана III» время получения новгородских поместий не совпадает с границами этого этапа. Часть владений М. А. Кольчева и М. Я. Русалки составили, например, земли «новосведенных бояр»²⁸.

Вопреки мнению Г. В. Абрамовича, представители знати продолжали получать крупные пожалования и после передачи Новгородской земли в ведение наследника престола, будущего Василия III. Князь В. Д. Холмский был пожалован крупной волостью Смерда в Деревской пятине. Писцовая книга Деревской пятины, оформление которой было закончено в 1499 г., описывала в Михайловском погосте волость Смерда: «доход с нее емлют попы Арханьилские с Городища». В ободной грамоте 1511/1512 г. «новые» помещики этой волости называли князя В. Д. Холмского прежним владельцем переданных им земель [Баранов, 1999, с. 12]²⁹. Их переход к этому вельможе состоялся уже после окончания писцового описания. После масштабных конфискаций церковных земель 1499 г. земли Никольского Неревского монастыря достались А. и Ф. С. Кольчевым, а также Е. И. Циплятеву. Концом 90-х годов стоит датировать появление князей Мещерских в Бежецкой пятине³⁰. До 1502 г. земли Федорова монастыря были отданы «конюшему» И. А. Лобану-Кольчеву [Каштанов, с. 232]³¹.

Отношения Ивана III с кругом своих приближенных были не так однозначны, а сами раздачи земель представителям знатных фамилий не ограничивались рамками очерченного Г. В. Абрамовичем «аристократического» этапа.

Необходимо принимать во внимание отсутствие единого плана, по которому должны были производиться поместные раздачи. Начавшиеся в 1478 г. выселения новгородских бояр были осуществлены в несколько приемов. Трудно предположить, что изначально при их проведении была поставлена задача ликвидации боярского землевладения. Сценарий развития событий скорее предполагал постепенную интеграцию новгородцев в действующую схему организации службы. «Новгородская сила» участвовала в 1481 г. в походе «на немцы», а в 1485 г. принимала участие в завоевании Тверского княжества. Кое-кто из местных бояр, вероятно, даже смог увеличить свои владения за счет конфискованных земель³². Немногочисленные ранние раздачи не имели системного характера. Основной массив конфискованных земель перешел в дворцовое ведомство, а также составил фонд оброчных кормленских земель. Московскую администрацию интересовало расширение дворцового хозяйства, а не наращивание военной структуры через поместные раздачи. Поместья имели вспомогательный характер, приближаясь по своему функциональному значению к кормлениям.

²⁷ Д., С. Серафим и В. Частой Быковы Нелединские были соседями в Городенском и Егорьевском Теребужском погостах Водской пятины, а А. и И. О. Унковские — в Карачунском погосте Шелонской пятины.

²⁸ НПК. Т. I. Ст. 321–333, 457–469. Характерно, что поместье М. Я. Русалки после «придачи» достигло «кратного» размера в 90 беж по «старому письму».

²⁹ НПК. Т. I. Ст. 170.

³⁰ НПК. Т. III. Ст. 73, 90, 701. Князьям В., Ф., А. Б. Мещерским досталась слободка на «владычньской» земле.

³¹ В тексте списка стоит ошибочная дата 1505. И. А. Лобан Кольчев погиб в 1502 г.

³² Г. М. Тучин владел землями, прежде принадлежавшими К. Фефилачеву и И. Кузьмину. Некоторые «боярщины» И. Лошинского достались В. и И. Космыниным [Бассальго, с. 268].

В отличие от жалованных вотчин и поместий центра страны, новгородские поместья не были освобождены от «обежной дани»³³. Это обременение зачастую приводило к разорению помещиков. Уже в 1505 г. в порозжем поместье А. Мякинина «писец Матвей Валуев положил на те деревни оброк тяжел, и иные деревни с того оброку запустели». Платежная книга 1543 г. упоминает случаи конфискации поместий «в приметных денгах». Позднее Некраско Образцов был «пойман да сидит в Новегороди в тюрьме в цареве да в великого князя дани в обежных денгах, за прошлые лета не плачивал»³⁴.

Стоит отметить молодость первых помещиков. Братья Трусовы-Воробьины, например, получившие свое поместье еще в начале 80-х годов XV в., известны по упоминаниям в 30-е годы XVI в. Еремей Трусов-Воробьин в 1536 г. ездил с посольством в Швецию [Эскин, с. 300–307]. Его имя встречается в писцовой книге 1538/1539 г. Здесь же упоминается и его брат Ермолай. Молодостью этих помещиков объяснялись скромные размеры их владений. По «старому письму», без позднейших пожалований, поместье Еремы Трусова-Воробьина составляло 12 обож, его брата Мити — 19 обож, а Ермолы — 18 обож, что предопределило необходимость будущих «придач»³⁵.

Среди первых помещиков Новгородской земли были представлены различные социальные группы. Большинство из них принадлежало к рядовым детям боярским из центральных уездов. Специфическую роль играли пожалования князьям Ф. И. Бельскому, И. Ю. Патрикееву, а также, вероятно, С. И. Бабичу. Учитывая расположение в «чернокунских» землях (Морева, Березовец, Холмский погост) и «княжеский» статус этих владений, можно предположить, что они должны были защищать порубежные земли от притязаний со стороны Великого княжества Литовского и, в свою очередь, создавать плацдарм для будущих пограничных конфликтов.

В последующем, при резком увеличении земельного фонда, перешедшего в руки великокняжеской власти после массовых «выводов» второй половины 80-х годов XV в., процесс поместных раздач приобрел более значительные размеры. В это время некоторые поместья могли раздаваться по челобитью служилых людей, оказавшихся на службе в Новгородской земле. За рамками владений знати исключительно крупные поместья достались, например, И. Г. Фоме-Протасьеву (80 обож по «старому письму») и И. В. Сухому Вельяминову. За счет пожалований, позднейших «придач» и успешной хозяйственной деятельности некоторые помещики сосредоточили у себя внушительные массивы земли, не соответствующие их статусу. К уже перечисленным лицам можно добавить А. А. Рудного Картмазова (106,5 обжи), А. И. Сома-Линева (71,5 обжи), И. Анаткина (61 обжа)³⁶. Есть основания говорить об индивидуальном характере пожалований представителям знати. Эта тенденция прослеживается вплоть до конца 90-х годов XV в.

Известны были примеры перехода «боярщин» некоторых новгородцев в качестве приданого в руки московских служилых людей³⁷. До поры до времени эти примеры, уменьшавшие фонд земель для будущих поместных раздач, оставались без внимания.

Невозможно определить точку отсчета, с которой поместные раздачи начали производиться «по спискам», составляемым на основании определенных заданных характеристик (происхождение и статус, служебная годность). Скорее всего, индивидуальные пожалования сохранялись

---

³³ Грамота Б. З. Бороздину и его сыну Федору, выданная в 1505 г. на поместье в Новоторжском уезде, содержала традиционный для жалованных вотчин набор иммунитетных прав (АСЭИ. Т. III. № 187. С. 200).

³⁴ НПК. Т. V. Ст. 791; ПКНЗ. Т. IV. С. 354, 359, 360, 490; НПК. СПб., 1910. Т. VI. С. 791–792.

³⁵ Писцовая книга Вотской пятины 1539 года, Новгород, 1917. Вып. 1. С. 7; НПК. Т. III. Ст. 25, 43; Т. IV. Ст. 5, 27.

³⁶ НПК. Т. I. Ст. 814–827; Т. II. Ст. 30–37; Т. III. Ст. 99, 118–119, 155–156, 166–170, 208–214, 224; Т. IV. Ст. 3, 123–124; Т. V. Ст. 24, 27, 29; ПКНЗ. М., 1999. Т. I. С. 228.

³⁷ Подобным образом существенно увеличили свои владения В. З. Захарьин-Кошкин, И. А. Черный Колычев, И. В. Квашнин, Ф. Б. Трофимов, И. А. Наумов, Окунь Линева, Т. И. Зезевитов (Зевитов).

на протяжении всего процесса поместных раздач, хотя их значение со временем должно было уменьшаться.

В конце 90-х годов XV в. поместные раздачи проводились уже по отработанному сценарию. В основу окладов был положен 5-кратный порядок земельных наделов. В этом ряду находятся «ивангородцы», «пятиобежники» позднейших источников. Все они получили оклады, соответствующие 5 обжам [Бернадский, с. 329–330]. Их пример был далеко не единственным. Та же тенденция прослеживается на примере князей Елецких, получивших свои поместья после церковных конфискаций 1499 г. Описание их поместий было размещено после «служилых людей» (подьячего и псаломника) и, скорее всего, было сделано уже после окончания работы над основной частью писцовой книги. Итого, по «новому письму» поместный оклад князя И. И. Селезнев брата», – 45 обож, а Семена и Ивана Меньшого – 70 обож на двоих³⁸. Обращают на себя внимание постепенное уменьшение поместных окладов в зависимости от возраста (служебной значимости) и кратность земельных наделов, привязанных к цифре «5». В тексте писцовой книги Водской пятины встречаются другие подобные примеры. По «новому письму» поместье Угрима Караулова, «владыченское», составляло 15 обож, князя Д. С. Ушатого – 40 обож, а С. Г. Калитина – 20 обож. Два последних поместья были образованы из земель, конфискованных у Юрьева монастыря. В Шелонской пятине по 15 обож из архиепископских земель достались князю С. В. Голице-Голибесовскому, Ушаку Москотиньеву, А. П. Плещееву³⁹.

Наглядно «кратность» окладов проявилась во время раздач в волости Крупая Деревской пятины 1503/1504 г. Платежная книга 1543 г., использовавшая сведения первого десятилетия XVI в., показывает размеры образованных в это время поместий: помещики Скрыплевые получили 110 обож, Ростопчины – 100 обож, К. Е. Костюрин с детьми – 30 обож, князь С. Селеховский – 10 обож, К. Харламов – 24 обжи. Последний выпадает из общего ряда, однако, скорее всего, именно ему принадлежал еще один небольшой участок этой волости, позднее перешедший в руки А. В. Колокольцева. Вместе с ним поместье К. Харламова насчитывало 25 обож⁴⁰.

Во всех этих примерах видно стремление новгородской администрации упорядочить поместные оклады, приводя их к единому кратному знаменателю.

«Системные» раздачи рубежа веков не появились на пустом месте. Описания целого ряда поместий, созданных в предыдущие годы (может быть, даже десятилетия), отвечали отмеченным признакам. Анализ земельных владений братьев Бутурлиных показывает, например, что на троих они получили по «старому письму» 160 обож: Копоть Г. Бутурлин – 60 обож, а Баклан и Д. Г. Бутурлины еще 100 (51 и 49) обож⁴¹. Кратные, «воеводские» оклады – по 60 обож – достались в Шелонской пятине также их старшему брату И. Г. Закале и двоюродному брату И. П. Бутурлину. Скорее всего, переселение в Новгородскую землю всех Бутурлиных было произведено одновременно, во второй половине 90-х годов XV в.⁴²

Показателен также пример Сухого-Кобылиных. По «старому письму» 7 братьев Александровых получили 290 обож. И в том и в другом случаях поместья, скорее всего, были сформированы в 90-е годы XV в., но еще до проведения самой валовой переписи⁴³. «Кратные» поместья первоначально жаловались семьям (группам) служилых людей и затем делились ими

³⁸ НПК. Т. III. Ст. 341–353.

³⁹ НПК. Т. III. Ст. 48, 833–834, 837–838; Т. V. Ст. 65, 68.

⁴⁰ ПКНЗ. Т. IV. С. 90, 387–389. Характерно, что из помещиков волости Крупая Ростопчины, князь Селеховский и Костюрин были выходцами из бывшего Тверского княжества. Испомещение здесь, видимо, велось по «списку».

⁴¹ НПК. Т. III. Ст. 173–174, 215–222, 253–265. Копоть Бутурлин владел землями «новосведенного» Я. Федотова, а его брат Баклан – Д. Нерадова.

⁴² Единственным владельцем земель И. Г. Закалы и И. П. Меньшого Бутурлиных был Г. М. Тучин.

⁴³ НПК. Т. III. Ст. 497–506, 559–560, 756–776.

на части («поделить им меж себя самим»). В конце века братья и зять Пестрика Дмитриева владели равными поместьями по 18 обеж (по «старому письму»). Всего же эта семья получила 105 обеж на всех ее членов. Та же картина наблюдалась в поместьях Кишкиных, получивших на всех пятерых 110 обеж⁴⁴.

Такие «списки» могли начать создаваться после окончания «старого письма» — в начале 90-х годов XV в., когда у новгородской администрации появилась ясность об имеющемся земельном фонде.

На практике раздача земли в соответствии с поместными окладами реализовывалась в «чистых» примерах, когда для испомещений отдавались крупные массивы. При существовавшей дробности и чересполосице владений номинальные оклады и фактические размеры поместий могли лишь примерно соответствовать друг другу, меняясь в большую или меньшую сторону. Не стоит забывать и об условности понятия «обжа», которое не было привязано к фиксированным размерам участков, обозначая количество крестьянских хозяйств, менявшееся на протяжении коротких промежутков времени. Продолжительность проведения переписи приводила к тому, что поместные оклады могли начисляться как по «старому», так и по «новому письму».

Испомещения по «спискам» далеко не всегда отличались единообразием. Влияние на этот процесс могли оказывать и другие факторы. Размеры владений «луховичей», например, сильно отличались друг от друга. Поместье Ф. Н. Шаблыкина и С. Михайлова составляло 71,5 обжи, в то время как 6 братьев Дмитриевых довольствовались поместьем в 25,5 обжи. Весьма скромными были поместья М. П. Гупцова (9,5 обжи) и М. Павлова (10 обеж). Такое разнообразие, вероятно, было вызвано необходимостью обеспечить «луховцев», вынужденных переселенцев, тем же количеством земли, которое соответствовало бы их прежним владениям. Подобным образом московское правительство раздавало земли купцам «против земель московских»⁴⁵. Несоразмерно большим было поместье князей Мещерских в Бежецкой пятине. В обоих случаях речь шла об очень крупных владениях. Всего братьям Борисовым-Мещерским в конце XV в. должно было принадлежать порядка 442 обеж⁴⁶. По этому показателю они относились к числу крупнейших новгородских землевладельцев, хотя и не могли похвастаться какими-либо служебными успехами. Вполне вероятно, что передача им новгородских земель должна была компенсировать потерю родовых владений в Мещере.

При таком подходе принцип служебной годности отходил на второй план.

Дополнительным фактором, влиявшим на работу лиц, ведавших поместными раздачами, являлось наличие малолетних детей. Некоторые сыновья помещиков достигли служебного возраста и получали собственные поместья, другие были «недорослями». Поместья зачастую приходилось давать «впрок», с учетом естественного увеличения живущих в них служилых людей. В каждом подобном случае нужно было действовать индивидуально, принимая или не принимая во внимание «ближайший резерв».

В конце 90-х годов XV в. на фоне форсированных поместных раздач⁴⁷ предпринимались попытки придать поместной системе целостность. Эта тенденция была обусловлена наметившимся дефицитом свободных земель. Имеющиеся запасы уже не были столь внушительны, что требовало более рационального подхода к ним. В писцовой книге отмечена потребность ограничить раздачу: «в Ладозе поместей не давать, опричь Михайловского погоста на Волхове, да Никольского погоста, что за Волховым, того деля, что на оброчные обжи положен наместнику корм»⁴⁸.

---

⁴⁴ НПК. Т. I. С. 187–204, 869–874; Т. II. Ст. 7–19, 21–25.

⁴⁵ ПКНЗ. Т. I. С. 222, 227, 234, 235; НПК. Т. I. Ст. 486, 703.

⁴⁶ ПКНЗ. Т. I. С. 226; ПКНЗ. Т. III. С. 19; НПК. Т. VI. Ст. 355–372.

⁴⁷ По моим подсчетам, в начале XVI в. более трети личного состава (39,5 %) помещиков Водской пятины (без учета «ивангородцев») приходилось на лиц, перебравшихся на новгородскую службу в 1499–1501 г. Аналогичные процессы шли в других пятинах.

⁴⁸ Писцовые книги Водской пятины 1500–1501 г. С. 1.

Разница в подходах к земельному обеспечению на разных этапах поместных раздач бросается в глаза при сопоставлении наделов «людей» новгородских бояр. «Ивангородцы», испомещенные после 1496 г., довольствовались скромными окладами в 5 обеж. Другие «послужильцы» новгородских бояр, получившие поместья в предшествующие годы, были куда лучше обеспечены: Н. П. Харин по «старому письму» распоряжался 46 обжами, В. Скулей-Булгаков — 36 обжами, а И. П. Кривой-Харин — 34,5 обжи. Самое крупное поместье принадлежало Я. Бункову «Ивановскому человеку Лошинского» — 60,5 обжи⁴⁹. На рубеже веков такой оклад жаловался «воеводам» из числа знатных фамилий.

Был запущен процесс перераспределения земельного фонда, обеспечивший стабильное функционирование поместной системы. Помимо конфискации значительной части церковных земель в раздачу пошли владения представителей московской аристократии, не связанных напрямую с новгородской службой. В распоряжение великокняжеской власти вернулись «выморочные» поместья, а также земли помещиков, по тем или иным причинам выбывших с новгородской службы⁵⁰. Под «горячую руку» попали и некоторые владения, полученные в качестве приданого⁵¹.

За счет этого появилась возможность создания новых поместий. Некоторые из уже имеющихся помещиков получили «придачи». Среди них был Е. Трусков-Воробьин. К моменту проведения переписи его поместье составляло 30 обеж. «Придачи» в соответствии с их окладами получили и некоторые другие лица. На рубеже веков поместье князя И. Темки-Ростовского составляло 82,5 обжи (по «старому» 85) и, по-видимому, уже включало в себя некоторые «придачи». С учетом возросшего статуса этого воеводы ему были сделаны новые пожалования в Деревской пятине. Размер его поместья в итоге достиг 90 обеж⁵².

Важным признаком «системных» раздач выступает их соразмерность. В целом пожалования последних лет XV в. — первых годов XVI в. соответствовали статусу получавших их лиц. Их размер обуславливался происхождением и служебным положением. Эта особенность отчетливо проявилась при новых раздачах. К одной «статье» — 40 обеж — принадлежали Ф. С. Головин-Глебов, С. и Е. И. Циплятевы, братья Новокщеновы, князь Д. С. Глебов-Ушатый, П. Г. Годунов, Н. М. Беклемишев, С. и Ф. И. Володимеровы-Овцыны, А. и И. Н. Горбатые-Заболоцкие. Все они — дворовые дети боярские «честных» родов. Выше них котировались в служебном отношении князья Хохолковы-Ростовские, старшие Елецкие, Корецкие, Кропоткины (старшие сыновья), Константиновы-Оболенские, И. Гагарин, Бутурлины, Г. Б. Шушлеба-Товарков.

Анализ размеров полученных владений позволяет определить статус участников новых раздач в реалиях конца XV в. Несмотря на происхождение, многие представители аристократических фамилий оценивались не слишком высоко. Скромными были наделы некоторых Волинских (Ф. И. Волинский по «новому письму» распоряжался поместьем в 20 обеж). Князю С. В. Голице-Голицевскому принадлежало всего 15 обеж. В ряде примеров подобные примеры объясняются молодостью или опалами (как в случае с князьями Шаховскими — бывшими «вассалами» князя Андрея Углицкого), в других — были отражением невысокого положения этих помещиков и их родственников при дворе Ивана III [Бенцианов, 2013, с. 38]. Некоторые из представителей знатных родов смогли поправить свое положение за счет новых раздач. Это удавалось, однако,

⁴⁹ НПК. Т. II. Ст. 758–763, 771–779; ПКНЗ. Т. I. С. 225.

⁵⁰ Среди них земли князей С. Д. Холмского, А. В. Оболенского, С. Р. Ярославского, И. М. Волинского, М. Я. Русалки Морозова, А. Ф. Челядина, П. Г. Лобана Заболоцкого, а также князей И. Ю. и В. И. Косого Патрикеевых, С. И. Ряполовского, Д. В. Ховрина. В писцовой книге возле имени С. М. Калитина содержится запись: «Се поместье Степан оставил, ведать его на великого князя» (НПК. Т. III. Ст. 780).

⁵¹ Конфискации не затронули земли И. В. Лядского, И. В. Квашнина и И. А. Черного Кольчева.

⁵² «Придачами», скорее всего, были владения Д. и К. И. Пантелеевых, принадлежавшие ему в отрыве от других князей Ростовских (НПК. Т. III. Ст. 91; ПКНЗ. Т. IV. С. 205–207).

далеко не всем. Тот же князь С. В. Голица в 1538/1539 г. довольствовался прежним поместьем⁵³. Его оклад — 15 беж — был минимальным обеспечением для детей боярских рубежа веков. В целом оклады детей боярских из «дворовых» фамилий были выше, чем оклады рядовых служилых людей, хотя в этом ряду находились и исключения.

Проводимая унификация была ограничена новыми пожалованиями. Существовавшие поместья можно было увеличивать только в большую сторону. Как следствие, происходило напластование поместных наделов, сложившихся в разное время и в разных условиях. Уже были отмечены исключительно крупные поместья А. А. Рудного-Картмазова, А. И. Линева и некоторых «людей» новгородских бояр. Писцовые описания «узаконили» земельные пожалования прошлых лет, многие из которых не соответствовали сформировавшимся в 90-е годы XV в. окладам.

Стройность формирующейся системы окладов разрушалась разделами поместий внутри отдельных семей. В конце века новгородская администрация пыталась взять под контроль этот процесс. В писцовых книгах отмечено несколько случаев конфискации «выморочных» поместий, выходящих из семейного владения, которые потом шли в новые раздачи⁵⁴. С санкции великого князя поместье Г. М. Мусина-Пушкина было пожаловано 6 его братьям («князь великий пожаловал... придал к их старому поместью»). В ряде случаев переходы поместий от отца к сыну сопровождалась выдачей особых жалованных грамот⁵⁵. Этим единичным примерам не хватало системности. Масштабный пересмотр земельных владений проводился во время проведения переписи. Трудно сказать, когда планировалось проведение следующей валовой переписи для Новгородской земли, но фактически она была осуществлена только в конце 30-х годов XVI в.

По наблюдениям А. Я. Дегтярева, в течение нескольких десятилетий между этими переписями многие новгородские помещики самостоятельно распоряжались переданными им участками земли. Отмеченная этим исследователем «преемственность» во владении поместьями в реальности была даже большей, учитывая наличие среди помещиков рубежа XV—XVI в. «случайных элементов», покинувших по тем или иным причинам новгородскую службу [Дегтярев, с. 85—88].

Поместья передавали в кругу семей (по возможности получая «придачи» за счет новых пожалований). Помещики использовали неразделенный характер владений, позволявший сохранять за собой «вымороки». В результате происходила активная эрозия окладов: в некоторых случаях одно и то же поместье дробилось между многочисленными наследниками, с другой стороны, некоторые помещики, особенно из числа знати, аккумулировали в своих руках исключительно крупные наделы. Князь И. И. Буйносов-Ростовский к писцовому описанию 1538/1539 г. не только распоряжался землями своего отца, но и «унаследовал» поместье дяди — князя А. А. Хохолкова. В итоге его поместье насчитывало 100 беж⁵⁶. Г. А. Победимовой показаны случаи перехода «выморочных» поместий среди разных ветвей князей Ростовских в Деревской пятине [Победимова, с. 62, 63, 65].

Пока оставались резервы для новых раздач, эта схема могла работать достаточно эффективно. Уже говорилось о раздачах дворцовых земель, осуществленных в волости Крупая в 1503/1504 г. Аналогичные раздачи были произведены в 1517/1518 г. в Жабенской волости. Судя по писцовой книге 1538/1539 г., в конце 30-х годов для испомещений были отданы земли в Климентовском Тесовском погосте Водской пятины. Более существенными были раздачи в Обонежской пятине. Не стоит забывать, что после присоединения Торопца и Пскова новгородские помещики стали активно «осваивать» и эти территории⁵⁷.

---

⁵³ НПК. Т. V. Ст. 65, 264.

⁵⁴ Поместья И. Меньшого А. Сухого-Кобылина, М. Шматова, И. Федосова.

⁵⁵ НПК. Т. II. Ст. 53. Ф. Чернцов Паюсов, братья Челяднины Коротневы.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 726—740 об.

⁵⁷ АИСЗР. Л., 1974. Т. II. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. С. 82, 117, 146—148, 196—197; ПКНЗ. Т. IV. С. 405. Позднее поместья стали раздаваться возле новопостроенных крепостей Себеж и Велиж.

К концу 30-х годов XV в. существовал уже ощутимый дефицит земель для новых раздач. В писцовых описаниях 1538/1539 г., проведенных после общеновгородского смотра, фигурировала категория «беспоместных» детей боярских. В сравнении с раздачами рубежа веков, поместья стали меньше по размерам. Многие представители знатных фамилий довольствовались небольшими наделами, уступая в этом отношении городovým детям боярским [Бенцианов, 2013, с. 39]. Тем не менее нельзя сказать, что ситуация с земельным обеспечением полностью вышла из-под контроля. В большинстве случаев размер поместья для детей боярских не опускался ниже планки в 10 обож. Видимо, именно этот размер рассматривался как минимальный [Абрамович, 1979, с. 195–196]. Жестко ограничены были прожиточные поместья вдов — в среднем, 5 обож (с исключением для вдов представителей знатных фамилий). Эти «оклады» не были четко регламентированы и бытовали скорее на уровне распространенной практики [Там же]⁵⁸.

В ряде случаев видна тенденция поддержания на должном уровне более высоких окладов. Ф. И. Лазареву, владельцу поместья в 32,5 обож, было придано еще 11 обож, а Ф. И. Пушкину, имевшему до описания 19 обож, — 10⁵⁹. Они оба были дворовыми детьми боярскими «честных» родов. В значительном числе примеров прослеживается отмеченная кратность окладов. Показателен пример И. К. Пелдюя Бровцына. Всего он с учетом «придач» владел в нескольких погостах Водской пятины поместьем в 20,5 обож. Описание его поместья было сопровождено пометой «лишка за ним сверх явочного списка во всем поместье полобжи». По «указному» списку вместе со сделанными «придачами» не дошло 8 обож в поместье Б. С. Сабурова и его детей (фактический размер — 52 обож). Унаследовал от отца поместье Ф. Г. Сназин-Микулин. Всего за ним по описанию 1538/1539 г. числилось 41,5 обож (в итоговом описании была допущена ошибка — 42 обож), и «переходит за ним и з придачею в пустых обжах пол-2 обжи»⁶⁰.

Прямое упоминание о фиксированном поместном окладе содержится в челобитной торопецкого помещика Б. Чмутова-Очкасова. «Жалованье» его отца составляло 20 обож. Это был достаточный размер для несения службы, поэтому у «смотрения» ему было отказано в «придачах». Фактический размер поместья Чмута-Очкасова составлял 22,5 обож. Именно этот надел был оставлен за ним во время проведения писцовой переписи⁶¹.

В это время уже наметился разрыв между номинальными окладами, установленными в соответствии с «явчими списками», и фактическими размерами поместий. Многие помещики, которые должны были получить прибавки, так и не дождались их [Кром, с. 544–546]. Стремление получить «придачу» ограничивалось специальными мерами. Согласно писцовой книге Шелонской пятины, на «придаточные» обжи устанавливалась выплата дополнительного оброка «с обжи по алтыну» сверх общей для всех обожной дани. В том числе и для «беспоместных» детей боярских, получавших запущенные участки. Другим «лукавством» было выделение в качестве «придач» освоенных самими помещиками починков (Бежецкая и Шелонская пятины). Излишняя хозяйственность за счет этого закрывала им путь для новых пожалований и, более того, приводила к дополнительному налогообложению. Эта мера вела к фиктивности «придач». Обратной стороной процесса стало «утаивание» новоосвоенных земель, принявшее массовый характер⁶². В писцовых книгах конца 30-х годов XVI в. постоянно возникали отсылки к случаям искажения данных, приводимых помещиками: «да им же вочтено в придачу старово их поместья, что не досказали

⁵⁸ После «придач» 1538/1539 г. за помещиками Суловыми числилось «по шти обож с четвертью обож за человеком» (Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (далее - ДАИ) Т. 1. № 52. С. 99–100).

⁵⁹ НПК. Т. IV. Ст. 292–296; ПКНЗ. Т. IV. С. 171–173.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 101–102 об., 806–807 об.; НПК. Т. V. Ст. 270.

⁶¹ ДАИ. Т. I. № 52. С. 91.

⁶² АИСЗР. Т. II. С. 23–24.

за собою у смотренья по явчему списку», «да Посник да Иван сказали за собою у смотренья, что мати у них взяла из отцовского 7 поместья обеж, а Иванцу же з братом велино придати 6 обеж. И мати у них 7 обеж не взымала. А придача им не дана»⁶³.

Описание конца 30-х годов XVI в. в очередной раз узаконило имеющиеся владения. Писцовые книги не зафиксировали ни одного случая конфискации «лишков», даже когда они заведомо превосходили имевшиеся поместные оклады. Все они были оформлены как «придачи». Вопрос с перераспределением земельного фонда, по сути, был отложен на неопределенное время, что не способствовало решению назревшей проблемы, усугубленной моровым поветрием, затронувшим Новгородскую землю в 30–40-е годы XVI в. Как и многие другие реформы, намеченные в это время, изменения в организации поместной системы были продолжены в середине века. Их реализация была связана с общим процессом унификации поместных окладов и создания на этой основе единой страты «служилых землевладельцев».

Литература

- Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. Дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1975.
- Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538–1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192–199.
- Андряшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914.
- Баранов К. В. Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 10–15.
- Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. М., 2000. С. 85–92.
- Бассальго Л. А. Перечень сведенных новгородских землевладельцев // Писцовые книги Новгородской земли. М., 2009. Т. VI. С. 204–340.
- Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 241–277.
- Бенцианов М. М. Новгородские источники Тысячной книги 1550 г. Опыт ретроспективного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 34–48.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Дегтярев А. Я. О мобилизации поместных земель в XVI в. // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 85–88.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Каптанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI в. СПб., 2010.
- Кучкин В. А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 165–176.
- Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853.
- Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. СПб., 1983. Т. XIV. С. 59–74.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Фролов А. А. Конфискация вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 54–62.
- Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 300–307.
- Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.

---

⁶³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 186; ПКНЗ. Т. IV. С. 100.